
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.161.1'282

DOI 10.37724/RSU.2020.68.3.009

С. Ю. Дубровина

Словообразовательная креативность лексики, эксплицирующей религиозные представления в русских говорах *

В современных русских говорах, несмотря на воздействие на них норм литературного языка, межкультурную контактность и деформацию в результате воздействия средств массовой информации, постепенное исчезновение диалектов в условиях цивилизации медиа, сохраняется лексическое ядро, в котором особое место занимает лексика нравственно-религиозной сферы. Наличие этого лексического пласта выделяет русский язык среди других в отношении аксиологической акцентированности земного и небесного. В настоящей статье обобщены наблюдения автора, касающиеся состава, семантики, сложения лексических гнезд, составляющих макрополе народного православия, формальной стороны словопроизводства единиц соответствующей лексики на общерусском фоне с привлечением материала, собранного автором статьи в Тамбовской области. Выделены разновидности структурных типов номинаций, определены особенности и приоритеты словообразовательной креативности. Для достижения целей исследования применялись методы сопоставительного, лексического, словообразовательного, компонентного анализа.

русский язык; русские диалекты (говоры); номинации; слова-композицы; словопроизводство; фразеологизмы; способы и типы словообразования

Русские говоры обладают несомненным богатством духовного плана, заключающимся в наличии лексического корпуса, эксплицирующего вероисповедание: слов, словосочетаний, фразеологических единиц. В современных русских говорах, несмотря на деформацию диалектов и их постепенное исчезновение в условиях цивилизации медиа, особое место занимает лексика нравственно-религиозной сферы православной ветви христианства. Наличие этой характеристики выделяет русский язык в целом и локальные языковые системы аксиологической акцентированностью в осмыслении земного и небесного. Большой интерес вызывают исследования лексикологов, диалектологов и этнолингвистов, обращенные к креативной словопроизводности лексических номинаций диалектной лексики, формирующей многогранный образ мира носителей традиционной языковой и этнической культуры [Шаб-рова, 2005; Рогожникова, 2013; Березович, 2014; Тихомиров, Михайлов, 2017].

Разноаспектное исследование словарного состава данных русских говоров убедительно свидетельствует о том, что в лексике народного православия смешиваются по меньшей мере два основных, генетически неоднородных пласта: номинации общеславянского происхождения, составляющие древнейший фонд русской лексики, и номинации, производные от церковнославянизмов и библеизмов. Таким образом, «диалектный извод» лексики, эксплицирующей идеи христианства (православия) в современном русском языке, находится в тесной связи с церковнославянским и литературным русским языками.

---

* Дубровина С. Ю. Словообразовательная креативность лексики, эксплицирующей религиозные представления в русских говорах // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2020. № 3 (68). С. 84–91. <https://doi.org/10.37724/RSU.2020.68.3.009>

В русских говорах наличествуют характерные разновидности структуры лексических единиц христианской лексики. Среди них выделяются первичные, цельноформленные субстантивные, отыменные и отглагольные номинации, слова-композицы, устойчивые сочетания. Применима и иная систематизация формального строения манифестантов полей православной лексики, в частности, уместна лексико-грамматическая классификация, основанная на общности значения и частеречной принадлежности производящих, наличии одинакового состава грамматических категорий.

Большой интерес в плане смысловой организации и состава представляют диалектные фразеологизмы. В отношении фразеологии в свое время был удачно представлен материал в «Словаре говоров Подмоскoвья», к примеру: *бобылка рахманная* — ‘женщина, не умеющая вести хозяйство’; *дева вековая* — ‘девушка, не выходявшая замуж, старая дева’ [Войтенко, 1995, вып. 1, с. 44, 168]; ‘*куды ражá*’ — ‘очень хорошо’; *мимо рта соваться* — ‘вертеться в голове, на языке’ (о чем-либо знакомом, хорошо известном, но забытом в данный момент) и др. [Войтенко, 1995, вып. 2, с. 240, 265–266]. Описание образцов цитируемой фразеологии Подмоскoвья опирается на классификацию, разработанную для «Фразеологического словаря русского языка» под редакцией А. И. Молоткова (1968), где обосновано выделение шести лексико-грамматических разрядов идиом: именные, адвербиальные, адъективные, глагольные, глагольно-пропозициональные, именные, междометные.

Учитывая данный научный опыт, представляется уместным обозначить особенности формирования фразеологизмов на нашем материале. К фразеологическим сочетаниям можно отнести и наименования памятных дней в православном календаре. Рассмотрение идиом, зафиксированных словарями русских говоров [Даль, 1994; СРНГ, 1965; Псковский областной словарь... , 1967], в том числе записанных на территории Тамбовской области в начале настоящего века, свидетельствует о том, что диалектное словотворчество расположено к возможно бóльшей адаптации производного к языковой и семантической системе говора, при этом морфологическая система того или иного говора, стремясь к сохранению производящей базы — именослова календаря, обладает достаточными морфологическими средствами для деривации. В частности, в отношении именованй дней святых зафиксировано наличие оригинальных названий, посвященных двум святым одновременно: в литературном русском — «святых бессребреников Космы и Дамиана, 14 июля н. ст.», в тамбовских говорах — *Кузьма-Демьяна, Кузьмы-Демьяна (Кузьмы и Демьяна)*. Структура «парного» именослова в им. п. / род. п. сохраняется: *Фро́л и Лавѐр* — «мучеников Флора и Лавра Иллирийских, 31 августа н. ст.», *Петра́ и Па́вела, Пятры́-Па́влы, Пѐтр и Па́вел, Бори́с и Глеб*.

В именованьях дней памяти святых и памятных дат сохраняется фонетика говора, наличествует диалектная огласовка имен, созвучная южнорусской интонации, близкая к христианской традиции церковного именослова, но не дублирующая ее. Под влиянием структурной адаптации к диалектной системе в номинациях свободно развивается креативное словотворчество. Так, в тамбовских говорах привлекает фонетическое внимание историческая мена пар согласных [ф] и [х], [р] и [л] — *Фро́л, Хро́л, на Хро́лаф день*. В произнесении южнорусского *Лавѐр* (литературное Лавр) обнаруживается, во-первых, увеличение слогов в слове до двух, что не равно исходному литературному и церковнославянскому односложному имени *Лавр*. Само имя *Лавр* меняется коренным образом: претерпевая напевное влияние южнорусских говоров, имя приобретает дополнительный гласный после [в] и второй слог за счет пазвука; затем волна ударения под влиянием этих изменений перемещается на второй слог *Лавѐр*, где первоначальное *Лавр* переходит в *Лавѐр* или *Лав’о́р (Лавѐр или Лавар)*; в ходе чередования ударного и безударного слогов, удлинения новообразованного слога за счет гласного образуется номинация с ударением на втором слоге (*Лавѐр*). Весь переход можно представить следующим образом: *Лавр* → Лавѐр → Лав’о́р → Лав’о́р (*Лавар*).

В рассмотренном случае действуют законы системной адаптации «чужого», характерные для просторечия. Происходят перестановки мест старого редуцированного и плавного, которые южнорусские говоры знают в именах собственных. Имя Лавр не подвергается перестановке плавного, но развиваются свойственные акающим диалектам пазвуки в закрытом слоге. Подобные явления привлекают внимание не только фонетистов, лексикологов, но и культурологов. В частности, на семантико-культурную и фонетическую адаптацию имен *Хро́л* и *Лавѐр*, наряду с именами «парных персонажей» *Кавель* и *Авель*, *Петр* и *Павел*, *Козьма* и *Домиан*, *Адам* и *Дева*, *Иван* и *Ева*, обратила внимание исследовательница М. Каспина [2020, с. 122].

Изучение лексической ёмкости деривационных гнезд христианской лексики показало, что в составе этого обширного лексико-семантического макрополя наличествуют опорные, или «ключевые», слова — концепты, употребление которых создает особый настрой убеждений и опыта христианства. Именно они обладают исключительным словообразовательным потенциалом. Речь идет о номинативных единицах, репрезентирующих вероучение: святые предметы, храм, названия частей служб, главных праздников: *Бог, крест, ангел, свеча, обедня, вечерня, Адам, Каин, каяться, грешить, образок, епитимья (питинья, тамб.)* и др. Эти слова, являющиеся перформативами вероисповедания, эквивалентны побуждению к выбору, то есть утверждению личной оценки, собственного отношения человека к храму, празднику, службе и т. п., но они встречаются и в бытовых речевых ситуациях. К примеру, используются производящие *суд, Бог* для создания словосочетания *суди-бóги класть* ‘жаловаться, просить’: «Мы, мастера, не станем «судибóги» класть, жалиться. За себя постоим» [Пулькин, 2002, с. 53]. Активно употребителен глагол *каяться*: *Ни согрешитиши, ни пока́исси!* (тамб.); «Каяться, олон. исповедываться. Я попу каялся. Согрешающих видим, а о кающихся Бог весть. Давидски согрешаем, да не давидски каемся» [Даль, 1994, т. 2, с. 253]. Ключевое понятие *Бог* в составе лексемы-композиата (*бóги*) усиливает активную значимость действия: «Суди-бóги класть, плакаться, жаловаться на обиду сильного» [Даль, 1994, т. 1, с. 258]. Ключевые слова *вера, церковь, покаяние* и другие также активно участвуют в словообразовании, являются «ядрами» фразеосхем, словообразовательных цепочек, формируют «строительные ячейки» лексико-семантических объединений.

В отношении словопроизводства основным является слово «Бог», «корнеслов» которого подробно представлен в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля и составляет, по нашим подсчетам, лексическое гнездо из более чем двухсот единиц. За каждым из производных стоит языковая и культурная традиция, раскрываются символические коды, возникает переосмысление понятия, а высокая семиотическая значимость лексем в разных ситуациях может подвергнуться словообразовательной, художественной, литературной, узуальной деформации [Мещерякова, 2017]. Словообразовательные гнезда образуют ментальные универсалии *вера, душа, икона, грех, суд, благо, добро* и названия святых предметов *икона, Библия*. Концептуальное значение для религиозной когнитивной модели мира имеет лексема *смерть*, отмеченная большим числом производных, являющихся словообразовательными и семантическими дериватами, а также различными стилевыми типами художественных интерпретаций: «...смерть ‘очень сильно, больно, крепко. порато’; *смертьельник* ‘враг, ненавистник’; *смертный* пск. твр. ‘хилый, худой’; *смертоносцы* ‘люди’; *смертонос* ‘насекомое *Necydalis*’; *смертоточивые уста* ‘лукавые уста’) [Даль, 1994, т. 4, с. 283–286].

Однокоренные слова русского и церковнославянского языков исторически едины и разнятся в отношении словообразовательной стилистики. Высокую стилистическую градацию создают церковнославянизмы, тогда как в живой речи допустимо снижение стилистики однокоренных образований. Словообразовательная деформация русской лексики особенно показательна в отношении деформации книжных слов в диалектах. Диалектная поляризация книжной стилистики ярко проявляется в разделении высокопродуктивных корней *-благ-* (дериваты церковнославянского языка) и исторически вторичного *-блаж-* (корень более характерен для диалектов). Слова, производные от этих корней в русских говорах, имеют не только не сходную, но диаметрально противоположную оценочную семантику, составляя в говорах многочисленную группу производных. Остановимся на их рассмотрении более подробно.

Семантическое изменение претерпело книжное слово «блаженный» (‘благо держащий’), пришедшее из старославянского и утвердившееся в высшем стилистическом слое русского литературного языка. Между тем в диалектах лексема *блаженный* воспринята со снижением семантики, с аффектацией уничижительных характеристик — глупости, неполноценности личности. В разговорной речи просторечия и говоров данная лексема утвердилась с низкими коннотативными значениями *блаженный* ‘малоумный, дурачок, простофиля’, а диалектный глагол *благостить*, помимо основного значения ‘звонить в церковный колокол’ (Ворон. 1893), содержит отрицательные оценочные коннотации: *благостить, стишь, несов., неперех.* ‘2. разглашать что-либо, сплетничать, говорить пустое. Тул. 1933’ [СРНГ, 1966, вып. 2, с. 309].

В тамбовских говорах глагольная лексема *благостить* (с ударением на последнем слоге) употребляется в значениях, схожих с СРНГ: 1. ‘звонить в колокол’; 2. ‘вести себя ненормально, безобразничать’. Ввиду множества образований с полярной семантикой, оценочную омонимию однокоренного прилагательного *благой* счел нужным отметить В. И. Даль: «От *благóй*, добрый сложилось слово *блажённый*; от *благóй*, дурной — *блажнóй*» [Даль, 1994, т. 1, с. 222].

Глагол *блажить*, производный от *благо*, теряет «положительную» коннотативную связь со своим производящим и транслирует отрицательные смыслы нарушения нормы: этим глаголом обозначается болезненное состояние человеческой психики (тамб. *блажить* 'притворяться дураком'). То же отрицательное значение транслируется с помощью однокоренных глаголов *сблажить* и *сблажеть*: «Сблажить — сделать что-нибудь наблажь, сдурить; сойти с ума. Сблажеть, пск., твер., сделаться блажным» [Даль, 1994, т. 4, с. 41].

Образования от корня *благ-*, *блаж-*, *блаз-* с отрицательной деминутивностью чрезвычайно продуктивны и в диалектах захватывают поле отрицательной оценки: «Блажеть, жу́, жишь, *несов., неперех.* 1. 'Сходить с ума, становится блажным'. Вят. Волог. 2. 'Шалить, дурачиться'. Вят.»; «Блажить, жу́, жишь, *несов., неперех.* 1. Сходить с ума, вести себя ненормально; уподобляться юродивому. 2. Иметь беспокойный плохой характер... 3. Буянить, безобразничать, недостойно себя вести... 4. Бредить... 5. Смешить... 6. Уродовать...» [СРНГ, 1996, вып. 2, с. 311]. «Блазнить (кого чем) соблазнять, искушать, смущать, совращать, наводить на грех» [Даль, 1994, т. 1, с. 234]. Контексты, свидетельствующие об отклонении от норм поведения, распространяются не только на людей, но и на тварный мир: «Лошадь *блажит*, плохо объезжаю (Сарат., 1959)» [СРНГ, 1996, вып. 2, с. 311].

Структурной особенностью словообразования памятных дней в церковном календаре является наличие сложного производящего, так как в качестве производящих часто выступают словосочетания. Диалект стремится к однословным номинациям, но содержательно вынужден оставлять двух-трёхсловные номинации. Как было отмечено выше, ярким примером этому служат местные названия праздников, посвященных широко известным «парам» святых: *Кузьма и Демьян, Фрол и Лавр, Зосима и Савватий, Кирилл и Мефодий, Петр и Павел, Борис и Глеб*. И всё же адаптация происходит: народная речь видоизменяет церковное название, упрощая его в сложное слово: *Кузьмадемьяна, Петра́вля* (тамб.). Есть и другой путь уместного для речи превращения: переход в предложное сочетание с одним именем — маркером календарного названия дня с устранением второго имени (*на Хро́ла, на Кузьму́, на Лавра*) или изменение названия дня с заменой на существительное *pluralia tantum* — *на Кузьми́нки, Петра́влях*.

Таким образом, парные именованья народно-церковного календаря показывают, что говорам оказываются присущи отношения вариативной множественной производности «церковных слов», отсутствующие в литературном языке.

Интересный исторический пример сложной фонетико-словообразовательной трансформации мы обнаружили в описании рядной записки тамбовского обывателя от 1685 года, в которой исчисляется приданое невесты. Записка содержит именование владельцем своей домашней иконы — *Изосима Саватей*, произошедшее из перечисления двух имен *Зосима* и *Савватий* с их слиянием и протезой первого имени: «А благословляю я, Дементий, дочь свою Божиим милосердием в окладах: Рождеством Пресвятой Богородицы, Спасовым образом, страстотерпцем Георгием да образом *Изосимы Саватей*» [Дубасов, 1993, с. 366] (курсив наш; написание «Саватей» согласно оригиналу. — С. Д.). Отметим, что в данном «историческом» случае как бы объединяются два имени в одно — образ *Изосимы Саватей*. Для современного читателя может возникнуть определенное затруднение и даже искажение смысла: название *Изосима Саватей* представляет уже как бы имя и отчество (или имя и прозвище), принадлежащее одному лицу.

В числе иных, отмеченных выше способов изменения структуры особо выделяется клиширование как достаточно редкий и малопродуктивный тип в отношении лексики церковной сферы. Под клишированием мы понимаем свертывание фраз, идиом, паремий, ведущее к появлению нового слова или словосочетания в значении, идентичном первоначальной фразе: *на Петра, на Кузьму, на Николу*. Список открыт, его можно продолжать с вариациями: *на Николин день* или *на Николу вешиного, на Николу зимнего; на Демьяна*, также см. тамб. *Никитин день* с двумя значениями: 1) 'празднование Новоникитской иконы Божией Матери' (372 г.) и 2) 'именины Никиты', которые отмечались по старому стилю 15 сентября, 4 мая и 3 апреля. Известным примером является именование дня празднования Казанской иконы 4 ноября нового стиля — *Казанска Бóжа Мать* (тамб.).

Клиширование отражает стремление диалектоносителя к формульности и точности, меткости речи. Этот способ деривации регулярен не только для лексико-семантического поля народно-церковного календаря. Причиной появления подобной компрессии является также необходимость частого словоупотребления повседневных фраз: *Бог знат что!* (выражение досады). Употребляемая фраза может клишироваться с разной степенью краткости: *Бох яво знат!* (тамб.) в значении 'не знаю' и сокращаться до *Бознат!* Сравним в говорах: «*Бознат, подмосковное*. «Бог е

знает, неизвестно. Балесь-та палучила бознат с чиво» [Иванова, 1968, с. 557 (приложение)]. Тот же процесс редукции отмечен в благопожеланиях: «С ангелом-хранителем! С ангелом! (тамб.). Ср.: «Быть с ангелом, *псков.* Быть именинником. 26-ва мне будит с ангилам» [Псковский областной словарь... , 1967, с. 64].

Иной ракурс рассмотрения для исследователя представляют синхронные и диахронные притяжения языковых единиц. Историческое словопроизводство отражает полисемию смыслов, имеет более обширные по составу гнезда деривации, чем современное. Говоры сохраняют исторические формы слов с вариативными отклонениями — допускается свободная семантическая трансформация и «своя» окказиональная трактовка, причем с переосмыслением и потерей исходного содержания. В качестве примера приведем глагол *приубожиться*, производный от «парящего» над всеми смыслами слова Бог: «Приубожиться, сов. 1. Принять жалкий вид, прибедниться. *Надо как-нибудь приубожиться* Терск... 2. Начать испытывать удовольствие. Залезла (свинья) в лужу и лежит, приубожилась, хрюкает, довольная. Новосибир. 1979» [СРНГ, 1998, вып. 32, с. 39]. Схожую трансформацию претерпевает двухсложный дериват *божеволиться*: «Божеволиться *твр. пск.* сходить с ума, дурить, сумасбродить» [Даль, 1994, т. 1, с. 264].

Свобода словообразовательных связей и креативное сознание носителей диалекта являются важными показателями словотворчества в говорах. Смысловое единство литературного языка и диалекта достигается в выражении отрицательных оценок: негативная модальность, характерная для русского литературного языка, остается актуальной в «простой» речи. Активны многочисленные дериваты с отрицательными приставками: *безверие, безбожие, безбожник, непрощёный (грех), невер, некрить, безгодная (смерть), бесстыдство* и др. В просторечии они могут быть заменены более экспрессивными синонимами, что, с точки зрения носителя языка, более точно отражает состояние ситуации: *ахальник, напрасная (смерть), стыдоба* и др.

Активность словообразовательных связей, контекстуальное разнообразие, словообразовательная стилистика создают градицию стилей внутри христианской лексики, обогащает коммуникативное пространство русского языка. Слова-композиции более характерны для литературного языка и лексики высокого стиля (*благоденствие, великопроповедыватель, благодержащий*), тогда как диалекты предпочитают аффиксальное словопроизводство. Благодаря разнообразию и числу словоформ лексики веры и церкви, использованию разных словообразовательных архаизирующих и локальных формантов, можно говорить об иерархической ценности стилистических уровней внутри религиозно и культурно значимого макрополя русской лексики.

Совмещение разнящихся по времени этимологий, разнотипность структур номинаций, разнообразие синтаксических моделей идиом свидетельствуют об открытости словаря русской лексики народного православия. Обладая большими деривационными возможностями системы, креативное словотворчество диалектоносителей имеет потенциальные системные возможности для лексемного расширения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. — М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2014. — 488 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — Репр. изд. 1903–1909 гг. — М.: Прогресс: Универс, 1994. — Т. 1: А–З. — 912 с.; Т. 2: И–О. — 912 с.; Т. 4: С–V. — 864 с.
3. Дубасов И. И. Очерки из истории Тамбовского края. — Тамбов: Тип. «Пролетарский светоч», 1993. — 443 с.
4. Войтенко А. Ф. Словарь говоров Подмосковья: в 2 вып. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Логос, 1995. — Вып. 1. — 217 с. — Вып. 2. — 598 с.
5. Каспина М. Восприятие сюжета о грехопадении Адама и Евы в еврейской и славянской традиции // Концепт греха в славянской и еврейской культурной традиции: сб. ст. / отв. ред. О. В. Белова. — М.: Пробел, 2000. — С. 116–130.
6. Мещерякова О. А. Художественная интерпретация понятий «Бог», «природа», «человек» в рассказе Ивана Бунина «Над городом» // Współczesne badania nad folklorem i literaturą rosyjską. 30 lat toruńskiej rusycystyki / red. B. Żejmo i I. Rzepnikowska. — Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2017. — S. 323–334.
7. Псковский областной словарь с историческими данными. — Вып. 1. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1967. — 200 с.
8. Пулькин В. Царские персты: Сказы о Петре Великом. — Петрозаводск: Периодика, 2002. — 176 с.: ил.

9. Рогожникова Т. П. Особенности употребления церковнославянской лексики в различных сферах общения // Омский научный вестник. — 2013. — № 5 (122). — С. 135–138.
10. Словарь русских народных говоров (СРНГ) / под ред. Ф. П. Филина. — Вып. 1–19. — М. ; Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1965–1983. — Вып. 1. — 1965. — 306 с. ; Вып. 2. — 1966. — 316 с. ; Вып. 32. — 1998. — 271 с.
11. Тимирханов В. Р., Михайлова А. Г. Особенности терминологизации лексики религиозной сферы в отечественной лингвистической традиции // Вестник Башкирского университета. — 2017. — Т. 22, № 2. — С. 483–487.
12. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. — 2-е изд., стер. — М. : Сов. энцикл., 1968. — 543 с.
13. Шаброва Е. Н. Морфемика современных вологодских говоров. Глагол : моногр. — Вологда : Вологод. гос. пед. ун-т : Русь, 2005. — 240 с.

Сведения об авторе

Дубровина Светлана Юрьевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина.

Сфера научных интересов: русская филология.

Контактная информация: электронный адрес: dubr5@yandex.ru

S. Yu. Dubrovina

Religious Beliefs Reflected in Creative Word-formation Patterns of Russian Dialects *

Despite the influence exerted on them by the literary norms of the Russian language, despite the intercultural contacts promoted by mass media, and despite gradual annihilation of dialects provoked by media-propelled civilization, modern Russian dialects preserve their pivotal lexemes which are mostly related to the sphere of morality and religion. This lexical stratum, the axiological significance of the celestial and the earthly realms, distinguishes the Russian language from other languages. The present article summarizes the author's ideas related to word formation, to the composition and semantics of lexical clusters of the macrofield of public orthodoxy. The analysis involves the material collected by the author in the Tambov Region. It singles out structural types of nominations, defines the peculiarities and priorities of creative word-formation. To achieve the aim of the research, the author employs such methods as comparative analysis, lexical analysis, word-formation analysis, and componential analysis.

Russian language; Russian dialects; nominations; composite words; word-formation; phraseologisms; types of word-formation

REFERENCES

1. Berezovich E. L. *Russkaja leksika na obshheslavjanskom fone: semantiko-motivacionnaja rekonstrukcija* [Russian Lexis against Slavic Background: Semantic-Motivational Reconstruction]. Moscow, Dmitry Pozharsky University Publ., 2014, 488 p. (In Russian).
2. Dal' V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka: v 4 tomah* [Explanatory Dictionary of the Great Russian Language: in 4 volumes]. Moscow, Progress Publ., Universe Publ., 1994, vol. 1 : A–3, 912 s.; vol. 2: I–O, 912 p.; vol. 4: S–V, 864 p. (In Russian).
3. Dubasov I. I. *Oчерки iz istorii Tambovskogo kraja* [Essays on the History of the Tambov Region]. Tambov, Proletarian Torch Publ., 1993, 443 p. (In Russian).
4. Vojtenko A. F. *Slovar' govorov Podmoskov'ja* [Dictionary of Moscow Dialects]. Moscow, Logos Publ., 1995, iss. 1, 217 p.; iss. 2, 598 p. (In Russian).
5. Kaspina M. Story of Original Sin in Slavic and Jewish Traditions. *Koncept greha v slavjanskoj i evrejskoj kul'turnoj tradicii* [The Concept of Sin in Slavic and Jewish Cultural Traditions]. Belova O. V. (ed.). Moscow, Space Publ., 2000, pp. 116–130. (In Russian).
6. Meshherjakova O. A. A Literary Interpretation of the Concepts of “God”, “nature”, “man” in Ivan Bunin's short story “Over the City”. *Współczesne badania nad folklorem i literaturą rosyjską. 30 lat toruńskiej rusycystyki*. Żejmo B., Rzepnikowska I. (eds.). Toruń, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika Publ., 2017, pp. 323–334. (In Russian).
7. *Pskovskij oblastnoj slovar' s istoričeskimi dannymi* [Pskov Regional Dictionary with Historical Data]. Leningrad, Leningrad University Publ., 1967, iss. 1, 200 p. (In Russian).

* Dubrovina S. Yu. Religious Beliefs Reflected in Creative Word-formation Patterns of Russian Dialects. *Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina* [The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin]. 2020, no. 3 (68), pp. 84–91. (In Russian). <https://doi.org/10.37724/RSU.2020.68.3.009>

8. Pul'kin V. *Carskie persty: Skazy o Petre Velikom* [Tsar's Fingers: Tales about Peter the Great]. Petrozavodsk. Periodicals Publ., 2002, 176 p. (In Russian).
9. Rogozhnikova T. P. The Peculiarities of Usage of Church Slavonic in Various Spheres of Communication. *Omskij nauchnyj vestnik* [Omsk research Bulletin]. 2013, no. 5 (122), pp. 135–138. (In Russian).
10. Filin F. P. (ed.). *Slovar' russkih narodnyh govorov (SRNG)* [Dictionary of Russian Dialects (DRD)]. Moscow, Leningrad, Science Publ., 1965–1983, iss. 10-19; 1965, iss. 1, 306 p.; 1966, iss. 2, 316 p.; 1998, iss. 32, 271 p. (In Russian).
11. Timirhanov V. R., Mihajlova A. G. The Peculiarities of Terminologization of Religion-related Vocabulary in Russian Linguistic Tradition. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University]. 2017, vol. 22, no. 2, pp. 483–487. (In Russian).
12. Molotkov A. I. (ed.). *Frazeologicheskij slovar' russkogo jazy-ka* [Praseological Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1968, 543 p. (In Russian).
13. Shabrova E. N. *Morfemika sovremennyh vologodskih govorov. Glagol* [Morphemics of Modern Vologda Dialects: Verb]. Vologda, Vologda State Pedagogical University Publ., Rus Publ., 2005, 240 p. (In Russian).

Information about the author

Dubrovina Svetlana Yuryevna — Doctor of Philology, Professor in the Department of the Russian Language at Tambov State University named for G. R. Derzhavin.

Research interests: Russian philology.

Contact information: e-mail: dubr5@yandex.ru

Поступила в редакцию 30.03.2020

Received 30.03.2020